

Лозинская Е.В.

**ИСКУССТВО И ПРАВДА: ПОЭЗИЯ И ИСТОРИЯ
В ТРАКТАТАХ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ©**

*Институт научной информации по общественным наукам, РАН,
Москва, Россия, jane.lozinsky@gmail.com*

Аннотация. В статье на материале итальянских трактатов XVI в. рассматривается восходящее к аристотелевской «Поэтике» сопоставление поэзии и истории. Выявляются основания для их сравнения – место истории и поэзии среди прочих дисциплин, значение категорий «повествование» и «подражание», естественный и искусственный порядок изложения. Основное внимание уделяется тому, в какие отношения к правде ставили поэзию и историю авторы той эпохи, каким образом трактовалось знаменитое высказывание Аристотеля о том, что поэзия философичнее и серьезнее истории (1451b5–7).

Ключевые слова: поэзия; история; правда; универсальное; Аристотель «Поэтика»; литературная теория итальянского Возрождения.

Поступила: 01.05.2021

Принята к печати: 31.05.2021

Lozinskaya E.V.

Art and truth: poetry and history in Italian Renaissance treatises©

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, jane.lozinsky@gmail.com*

Abstract. The article considers the comparison of poetry and history in the Italian treatises of the sixteenth century which goes back to the Aristotle's *Poetics*. It reveals the grounds for their comparison – the place of history and poetry among other disciplines,

---

© Лозинская Е.В., 2021

© Lozinskaya E.V., 2021

the importance of the categories of narration and imitation, the natural and artificial order of presentation. The attention is focused on the relationship of poetry and history to truth according to the authors of that period, and on the interpretations of Aristotle's famous statement that poetry is more philosophical and serious than history (1451b5–7).

Keywords: poetry; history; truth; universal; Aristotle's *Poetics*; the literary theory of Italian Renaissance.

Received: 01.05.2021

Accepted: 31.05.2021

Введение

Аристотель утверждал, что поэзия философичнее и серьезнее истории, поскольку она «больше говорит об общем, история – о единичном» (*Poet.*, 1451b5–7). Этот его тезис традиционно толковался как способность поэзии выйти за пределы «правды факта», которой вынужденно ограничивает себя историк, обнажить глубокие жизненные истины, прибегнув для того к художественному обобщению или к типизации¹. Подобное истолкование в современных исследованиях «Поэтики» не раз подвергалось критике как не аутентичное, не соответствующее и общим принципам, на которых основана теория поэзии у Аристотеля, и особенностям словоупотребления в трудах философа [Else, 1957, p. 301–309; Halliwell, 2002, p. 193–200]. Однако устойчивость этой трактовки, видимо, связана во многом с тем, что она опирается на почтенную традицию, восходящую к эпохе, когда зарождалась европейская поэтика Нового времени – итальянскому высокому Возрождению. Между тем в те годы теоретическая мысль развивалась одновременно в самых разных направлениях. На осмысление «Поэтики» Аристотеля, заново вошедшей в круг чтения философов и интеллектуалов после публикации латинского перевода Валлы в 1498 г. и греческого текста в 1508 г., влияли предшествующие традиции, восходившие к Платону, Горацию, античным риторическим трактатам, средневековым поэтологическим топосам [Weinberg, 1961; Herrick, 1946]. Кроме того, будучи «эзотерическим» текстом, как, впрочем, и все дошедшие до нас работы Аристотеля, «Поэтика» открывала широкий простор для интерпретации ее тезисов, и в особенности отдельных ярких и сжатых высказываний, к которым,

---

¹ См. напр.: [Чанышев, 1987, с. 204; Гринцер, 1997, с. 119].

несомненно, относится и 1451b5–7. Поэтому представляет особый интерес, что именно авторы XVI в. имели в виду, когда обращались к этим словам Аристотеля, как понимали использованные им термины, какие теории выстраивали вокруг этой его мысли.

История и литература: статус дисциплин и основания для их сравнения

Изучая сопоставление истории и литературы, необходимо для начала выяснить, на каком основании проводилось сравнение. С одной стороны, обе дисциплины могли включаться в область моральной философии и в этом плане обладали общей сформулированной в горацанском духе целью – поучать, доставляя удовольствие. С другой стороны, многие авторы XVI в. относили и историю, и поэзию преимущественно к сфере дискурсивных и, следовательно, инструментальных (т.е. не имеющих собственного «реального» предмета) дисциплин наряду с логикой, риторикой, грамматикой, диалектикой и т.п. [Weinberg, 1961, p. 1–37]. Это естественное представление о поэзии, однако «инструментальный» статус истории может вызвать у современного человека вопросы.

Семантика слова «история» в XVI–XVII вв. прослежена Д. Келли [Kelly, 2005], отмечавшим противопоставление *historia* и *scientia* по разделяющему их признаку: трактует ли дисциплина вопрос о причинах. В представлениях раннего Нового времени история не ставит перед собой задачи обнажить глубинные причинно-следственные механизмы событий, является эмпирическим собранием фактов, и это относится как к «натуральным» историям (например, история животных, географические трактаты и пр.), так и к общественной истории, повествующей о человеческих деяниях. Такие представления стали продуктом ренессансной секуляризации истории, потерявшей теологическое и, как результат, телеологическое измерения [Martini, 1951, p. XVI].

Следует также отметить отсутствие консенсуса относительно того, является ли история искусством – «*ars*», т.е. умением, требующим исходной природной предрасположенности, но совершенствуемым в упражнении и опирающимся на свод правил и предписаний. Некоторые авторы считали историю всего лишь *facultas* – способностью или возможностью человека «историзировать»

(подобно *facultas imaginandi* – способности воображать и т.п.). В таком случае история как вид интеллектуальной деятельности не имеет, в противоположность поэзии, своих собственных принципов и законов, и, стало быть, мы не можем не только сравнивать их между собой, но и отделять хороших историков от плохих подобно тому, как делаем это с поэтами. Впрочем, именно раннее Новое время стало периодом, когда одновременно с теорией поэзии (*ars poeticae*) начала разрабатываться и теория истории – в рамках многочисленных *artes historiae* [Cotroneo, 1971; Vidal, 2016; Бобкова, 2010], и это облегчало уподобление и сравнение двух дисциплин.

Существенным основанием для сопоставления истории и поэзии была их принадлежность к «повествованию» или «подражанию». XVI в. – время включения в поэтологический тезаурус категории *imitatio* в значении «мимесис», т.е. подражание не классическим авторам, а чему-то внешнему по отношению к поэтическому дискурсу. Однако предмет подражания определялся весьма неустойчиво (действия людей, страсти, характеры, объекты внешней реальности, Природа в целом и т.п.), а связь между подражанием и художественным вымыслом только начала устанавливаться, притом нередко на основе аналогий с категорией *inventio*, которая, в свою очередь, могла обозначать и «нахождение» некоторого факта в истории или реальной действительности. Привычным тезисом было признание повествовательности одной из конститутивных черт поэтических текстов (лирику еще далеко не всегда считали поэтическим видом и, даже включая ее в поэзию, нередко искали в ней нарративный элемент). Однако отношение *imitatio* и *narratio* друг к другу могло варьироваться. Они могли объявляться родами речи, тогда история входила в *genus* повествования, а поэзия – подражания. Но и *narratio*, и *imitatio* (или только одна из этих категорий) могли считаться не дискурсивным родом, а более или менее существенной характеристикой речи, присутствовать в поэзии и истории с той или иной интенсивностью.

К роду повествования относят обе дисциплины Уберто Фольетта (*De ratione scribendae historiae*, 1574) и Диониджи Атанаджи, однако последний указывает, что в поэзии присутствует подражание, а в истории оно отсутствует [Atanagi, 1559, f. 4r]. Язон Денорес, видимо, занимал сходную позицию, когда писал: «...по нашему суждению, поэзия приносит большее наслаждение,

чем история, поскольку поэзия подражает» [Denores, 1555, р. 1207]. К собственно роду подражания относили поэзию Маццони, Гварини, Минтурно и др. Однако некоторые авторы включали в этот род и историю, если подразумевали под *imitatio* дискурсивную репрезентацию некоторого элемента реальности, тем самым приравнивая подражание к словесной изобразительности. Например, Лионардо Сальвиати отмечал, что в истории тоже есть подражание, хотя и в меньшей степени, поскольку поэзия может живее и ярче «нарисовать картину перед глазами» [Salviati, 1584, р. 35].

В концепте повествования заложена основа для иного разграничения поэзии и истории – по формальному, но весьма важному для XVI в. признаку. История и поэзия имеют своим предметом человеческие действия. И это, несомненно, «аристотелевский момент» в теории обеих дисциплин, свидетельство постепенного смещения акцентов, отделяющих «естественную историю» от истории общественной, а поэзию от эпидейктической риторики. Однако, по словам Атанаджи, «поэзия избирает одно деяние одного человека, остальные присутствуют в ней акциденциально; история – многие многих людей. И хотя нельзя отрицать, что иногда история тоже может повествовать лишь об одном деянии, по существу ей подобает (*il proprio officio suo è*) говорить о многих и разных» [Atanagi, 1559, f. 4v]. Сходных мнений придерживались и другие авторы: Спероне Сперони в «Диалоге об истории» (*Dialogo dell'istoria*, 1596) считает поэзию повествованием об одном деянии одного человека, а историю – об одном деянии многих людей (многие деяния многих людей – это, по его версии, анналы). В этой классификации нередко заполнялись и другие «клетки»: так, Язон Денорес выделяет еще жизнеописания (множество деяний одного человека), Джованбаттиста Пинья на этом основании проводит разграничение между эпикой и романом (одно деяние одного человека или много деяний одного человека).

Количество деяний и героев на самом деле отнюдь не внешняя характеристика, с ним связано представление о внутреннем эстетическом единстве повествования, столь важное для Аристотеля. Единство действия обеспечивало целостность поэтического текста наиболее простым и понятным образом и тем самым выделяло его на фоне повествований иного характера, в том числе исторических. Неудивительно, что сомнения в значимости подобного

критерия выразил тот теоретик, который был сосредоточен в значительно большей степени на рецептивных, а не эстетических сторонах поэзии, – Лудовико Кастельветро. «Поскольку ни у кого нет сомнений, что в истории в рамках одного повествования рассказывается о нескольких деяниях одного человека, как это делали Плутарх, Светоний, Корнелий Непот и другие знаменитые латинские и греческие историки, то и в поэзии возможно в рамках одной фабулы рассказать, не навлекая на себя упрека, о нескольких деяниях одного человека и равным образом, так же без упрека, одно деяние одного народа, поскольку история это делает весьма достохвально, как это сделал Саллюстий... И более того, поэзия может рассказать не только об одном деянии одного народа, но и о нескольких, как Ливий... И даже если взять повествование о многих деяниях многих людей, я не вижу здесь повода для упрека, поскольку историки, которые создавали такие труды, заслужили похвалы, например Помпей Трог и некоторые другие» [Castelvetro, 1978, v. 1, p. 270].

Имел значение и порядок изложения событий: история использует простое, линейное повествование, поэзия – более сложные его варианты (например, начало *in medias res*). «Высшая слава поэта – в том, чтобы отступить от законов истории и презреть естественный порядок изложения, если речь идет о последовательности событий <...> Нет над ним закона, который заставил бы его писать как историка, располагая все по порядку. Он может отбирать одно, о другом говорить, приукрашивать его, третье опускать, если не находит его достойным упоминания» [Correa, 1587, p. 23]. Атанаджи развивает ту же идею более замысловатым образом: «Порядок <изложения> в поэзии – точный, единый, связный, поскольку она из многих действий на основании их сходства делает одно, к нему как к господину устремляет все остальные, уподобляя их слугам и рабам, и делает так посредством эпизодов, которые по природе своей и качествам всегда соотносятся с фабулой – сущностной частью и почти формой, душой поэмы. Порядок изложения в истории более неточный, бессвязный, случайный, поскольку действия в ней не сходны, не соединены, но разделены и различны, одно не зависит от другого, и они не направлены к единой цели. Она следует порядку самих вещей, от начала к середине, от середины к концу, таким образом, каким они и имели место, осуществляясь» [Atanagi, 1559, f. 4v].

Поэзия и история в их отношениях к правде

В предыдущих цитатах из Корреа и Атанаджи можно было заметить, что оба автора имплицитно предполагают наличие некоторых фактов реальной действительности, с которыми поэт и историк обходятся по-разному. И это подводит нас к важнейшему моменту в разграничении поэзии и истории – вопросу о «правдивости» обоих видов дискурса. Для Средних веков и начальных периодов Возрождения было характерно «наивное» представление о том, что история передает реальную жизнь «как она есть или была». Поэзия же каким-либо образом смешивает ложь с истиной или «скрывает истину под покрывалом вымысла», и это высказывание подразумевает по преимуществу этические, общеполитические, а иногда теологические истины¹. В начале Нового времени эти концепции начинают постепенно размываться и усложняться. Остановимся на одном моменте, имеющем непосредственное отношение к теме статьи, – исторических событиях как предмете историографии и поэзии.

В эпоху Возрождения стала укрепляться идея необходимости критического прочтения историографических текстов и непосредственной работы с источниками [Grafton, 2012, p. 21]. Томмазо Кампанелла уподоблял тех, кто изучает историю по работам предшественников, сырным червям, видящим только ту часть сыра, которая их окружает, а не весь его целиком [Campanella, 1954, p. 1228]. Франческо Патрици в «Десяти диалогах об истории» (*Della historia diece dialoghi*, 1560) подчеркивал, что на историка действуют политические факторы, и это влияет на его сочинения [Grafton, 2012, p. 39]. Сальвиати утверждал, что история передает не только имевшие место в реальности факты, но и то, во что верит большинство, а также признавал за историком право прибегать ко лжи [Weinberg, 1961, v. 1, p. 15]. Джироламо Кардано в принципе сомневался в том, что столь отдаленные времена, как эпоха Нерона и Нервы, поддаются изучению. Генрих Корнелий Агриппа (1486–1535) в своем труде «О неточности и тщете наук» (*De incertitudine et*

---

¹ Общий очерк многообразия трактовок соотношения реальности и поэзии, в том числе в связи с категориями вымысла и правдоподобного, см. в: [Махов, 2010, с. 10–18].

vanitate scientiarum, 1527), хорошо знакомом итальянским интеллектуалам, усомнился в самой возможности для историка разграничить факт и вымысел [Cochrane, 1981, p. 481]. Но в целом, конечно, теоретики позднего Возрождения исходили из того, что история более или менее верно рассказывает о реальных событиях, особенно по сравнению с поэзией: «Историк ничего не добавляет к правде и ничего не убавляет, а поэт многое добавляет и убавляет» [Denores, 1555, p. 1231].

В самой идее добавления или убавления скрывается имплицитная установка на то, что в основе поэтической фабулы должен лежать исторический факт. Для современного, как, впрочем, и для средневекового читателя это непривычная концепция, но в XVI в. она получает широкое распространение. Примером такого подхода является в первую очередь тезис Торквато Тассо: «Все поэмы имеют в основании правду, какая больше, какая меньше – настолько, насколько они более или менее совершенны» [Tasso, 1586, p. 18]. Как резюмирует Вайнберг, «...привычная установка, что история имеет дело с правдой, а поэзия с правдоподобным, более не действительна. Для Тассо оба искусства в одинаковой степени связаны с правдой». При этом его мало интересуют те поэмы, где правдивы лишь упоминания городов и стран, чуть больше – те, которые рисуют реальных персонажей, но более всего – те, где правдивы, т.е. исторически обоснованы, действия [Weinberg, 1961, v. 1, p. 629]. Если в центре внимания Тассо – героическая поэма (хотя свое требование правдивости он применяет к поэзии в целом), то Винченцо Торальдо выдвигает аналогичное требование и для трагедии: необходимо, чтобы «действие, достойное трагедии», было правдивым, т.е. заимствованным из истории, и к нему трагический поэт подбирает нужные эпизоды, такие, чтобы они не противоречили истории [Toraldo, 1589, p. 28]. Аналогичного мнения придерживается Спероне Сперони в «Диалоге об истории» (1596). Диониджи Атанаджи также считает, что та правда, которая есть в поэзии, заимствуется из истории. Джованни Антонио Виперано в трактате «О создании жизнеописаний» (*De scribendis vitis*, 1570) связывает эту идею с традиционным топосом: сохранение в памяти великих деяний великих людей – основная задача поэта, – и в этом видит принципиальное сходство истории и поэзии.

Вместе с тем существовали и противоположные или промежуточные мнения. Так, Антонио Риккобони считал, что действие трагедии не обязательно должно воспроизводить некоторый исторический факт, довольно будет и того, что в истории или легендах присутствует похожий пример [Riccoboni, 1585, p. 52], а Филиппо Сассетти в дискуссии с Пикколомини приходит к выводу, что поэт создает свои фабулы «из ничего», не заимствуя их ниоткуда [Weinberg, 1961, v. 1, p. 559].

Преобразование правды в поэзии и истории

Но если все-таки в основе поэтической фабулы лежит исторический факт или сюжет, то все теоретики сходятся на том, что он должен быть каким-либо образом преобразован. Один из способов такого преобразования был упомянут выше: замена *ordo naturalis* в изложении событий на *ordo artificialis*, о других мы скажем ниже. Однако перед этим стоит ответить на вопрос: а для чего именно в поэзии производится подобная операция над фактами? Один из возможных ответов – «для красоты», и это весьма распространенная позиция в то время. Поэзия расцветчивает правду, добавляя к ней элементы вымысла, чудесное (*maraviglioso*) и подчиняясь принципу *decorum*'а, понятого в первую очередь как «украшение». Но красота важна не сама по себе: лежащий в основе поэтического действия правдивый факт становится залогом способности поэмы «поучать», а вымысел и прочие «украшения» обеспечивают удовольствие, тем самым облегчая и делая приятнее процесс моральной индоктринации. Украшенная поэзия также способна в большей степени тронуть аудиторию, чем история, и это ведет к комплексному воздействию на душу человека. Впрочем, это свойство поэзии может восприниматься и как недостаток: «...поэма трогает нас больше, чем история, но это чувство прекращается с окончанием чтения. История же, напротив, не волнует нас так же сильно, как поэзия, зато оставляет нас в убеждении. И к этому, по моему мнению, не приспособлена поэзия» [Salviati, 1584, p. 40].

Подобная операция могла производиться над историческими фактами и в историографических сочинениях, и в первую очередь это происходит при добавлении «речей» исторических персонажей, сочиненных самими историками. Правомерность подобной

практики стала в XVI в. предметом горячих дискуссий [Grafton, 2012, p. 36–46]. Лоренцо Валла, несмотря на то, что был провозвестником «критики источников», сам писал речи от лица своих героев, в том числе и в «Речи против подложности Константинова дара» (1517). Для Валлы этот прием имел герменевтическую окраску: «вживаясь» в описываемую им ситуацию, он стремился к лучшему пониманию мотивов, обстоятельств и личностей исторических деятелей. Вымышленные речи как средство «украсить» историческое изложение защищали Джованни Понтано, Джованни Антонио Виперано, Уберто Фольетта, Алессандро Сарди, Гергард Иоганн Фосс и др. Среди хулителей этого повествовательного приема следует назвать Франческо Патрици, объявившего включение прямой речи в историческое сочинение прямым внесением в нее лжи, а также Спероне Сперони.

У последнего история в целом выводится за границы риторического дискурса [Sgarbi, 2014, p. 58]. Мануций, один из собеседников в «Диалоге об истории» (*Dialogo della Istoria*, ок. 1585–1588), рисует образ «переливающейся всеми цветами» (подобно отрезку шелка), блестящей, изменчивой истории (*cangiante, luccicante, brillante*). Однако это не настоящая, истинная история, и в ответ другой участник диалога – Дзабарелла (выражающий наиболее близкую к авторской позицию) – эксплицитно указывает: «...чем лучше оратор и чем более опытен в красноречии, тем хуже из него должен получиться историк <...> красноречие – это то, что разделяет историю с поэзией и риторикой» [Speroni, 1740, p. 312]. Пусть правда лежит в основе всех видов интеллектуальной деятельности, но «поэзия ее изображает, риторика в ней убеждает, диалектика ее выявляет, науки ее подтверждают, и лишь история сохраняет ее в чистом виде, тем самым уподобляясь меду или сахару» [Speroni, 1740, p. 314].

О каком «общем» говорит поэзия?

Антонио Риккобони выделяет три традиционные разновидности универсального¹: antecedent частного, т.е. идеи как формы вещей, существующие в Божественном уме; отношение частей к

¹ На латынь и итальянский «τά καθόλου» переводилось как «универсальное», что, разумеется, влекло за собой определенные философские коннотации.

целому; род по отношению к видам. К ним он добавляет четвертый, который специфичен именно для поэзии: умение универсальным образом помыслить причины единичного действия и способы его реализации, делающие это событие возможным [Riccoboni, 1585, p. 44].

При первом понимании универсальной тема большей философичности поэзии нередко решалась в духе не столько аристотелизма, сколько платонизма. Пусть поэзия создает конкретные образы, но не то, что было в действительности, а то, что возможно в силу вероятности или необходимости. Это аристотелевское выражение нередко воспринималось упрощенно, как «то, что должно быть». В этом контексте ключевой вопрос: а что, собственно, «должно быть», существует по необходимости? Для многих авторов ответ был очевиден: то, что является универсальным первообразом конкретной вещи, т.е. платоновская идея. Диониджи Атанаджи эксплицитно заявляет, что поэт «обращается к простой и чистой идее вещей» (*opera intorno a l'universale attendendo a la semplice, & pura idea de le cose*) [Atanagi, 1559, f. 4v]. Аньоло Сеньи в «Рассуждении о вещах, свойственных Поэзии» (*Ragionamento sopra le cose pertinenti alla Poetica*, 1576, опубл. 1581) высказывает сходный, хотя и более осторожный тезис: «История, основываясь на вещах прошлого и настоящего, показывает их и излагает их как различающиеся с их Идеями, такими, какие они суть или были сами по себе. Философия поднимается к Идеям вещей, отличным от самих вещей, и созерцает их таковыми, каковы они суть в их совершенной природе. Поэзия же соединяет одно с другим: она говорит о вещах, существующих или существовавших, но <показывая> их не такими, какие они суть или были, а идентичными Идеям. Однако она показывает Идеи не сами по себе, а <существующими> в вещах – бывших или наличных ныне» [Segni, 1581, p. 66].

Второй метод придания универсальности единичному событию, заимствованному из истории, мы находим, например, у Тассо, который прямо говорит, что для этого поэт должен придать действию целостность, определяемую наличием начала, середины и завершения [Tasso, 1959, p. 568]. Между тем, как замечает Джованбаттиста Пинья, в собранную воедино фабулу должны «время от времени, то здесь, то там» вторгаться эпизоды [Pigna, 1997, p. 48]. Это предписание вполне согласуется с идеей о том, что «эпизоды»

являются одним из элементов преобразования исторической «правды факта» в «украшенную» правду поэзии. Но в чем может заключаться единство эпизодов, если они, по своей сути, являются «отступлениями», отходом от основной траектории действия? На этот вопрос можно найти частичный ответ в «Разъяснениях» Робортелло, где разграничиваются два типа связи между частями целого: *thesis* и *taxis*¹ [Robortello, 1548, p. 89–90]. *Thesis* реализуется в таких фигурах, как окружность, треугольник, прямая, у которых имеется отчетливый организационный принцип; *taxis*, напротив, предполагает случайное соединение частей. Для Робортелло очевидно, что история имеет дело именно со вторым вариантом связи, поскольку в исторической реальности велика роль случайных факторов, а историк связан требованиями фактической правдивости. Поэтому историку и не суждено полностью уподобиться поэту, даже когда его сочинение организовано вокруг одного действия одного человека (например, повествование Саллюстия о заговоре Катилины), и в то же время поэтическое произведение не перестает быть поэзией, когда включает в себя множество эпизодов, как в «Одиссее» или «Энеиде», поскольку действия главного героя подчинены единой цели – возвращению домой или созданию Рима.

Третий вариант универсального, во многом сходный с современным упрощенным его пониманием в духе «типизации» и обобщения, мы также можем встретить у авторов эпохи Чинквеченто, например, у Алессандро Каррьеро в «Кратком и находчивом рассуждении против труда Данте» (*Breve et ingenioso discorso contra l'opera di Dante*, 1582). Поэт, изображая конкретного человека, «отбрасывает индивидуальные обстоятельства и мелкие частности, чтобы перейти к универсальному, показать этого человека <Улисса> благоразумным и проницательным, таким, каким его совершенным образом показывают Философы» [Carriero, 1972, p. 286]. Такое представление об универсальном довольно близко к первому, и действительно, некоторые авторы совмещают одно с другим. Так, Маранта, решая вопрос о кажущемся противоречии между своим тезисом, что поэзия – это искусство убеждения посредством примеров, и пониманием, что пример – это частный

---

¹ Надо отметить, что Робортелло переосмысляет здесь традиционные значения этих терминов.

случай, по-своему определяет Идею. В его понимании, Идея – совершенное и полное выражение какой-либо добродетели или порока [Weinberg, 1961, v. 1, p. 487]. И, разумеется, наиболее проработанным вариантом подобного представления об универсальном является теория Тассо о герое эпической поэмы как воплощении идеального рыцарского характера, подробно проанализированная в том числе в ее связях с концепциями Робортелло, Буонамичи, Каприано и др., в классической работе Б. Хатэуэя [Hathaway, 1962, p. 144–158].

Четвертый вид универсального рассмотрен самим Риккобони, считавшим его характерным именно для поэзии. «Поэзия трактует универсальное. <...> Например, деяние Ореста, убившего свою мать Клитемнестру, было конкретным деянием. Тем не менее поэт рассматривает его универсально – так, как оно могло случиться по множеству причин и многими способами» [Riccoboni, 1585, p. 44]. Хотя на первый взгляд в словах Риккобони можно увидеть сходство с третьим, «типизирующим» видом универсального, речь идет не о том, что Орест воплощает собой нечто общее для людей, сходным образом действующих в сходных обстоятельствах или обладающих сходными характерами. Риккобони видит универсальность в обнажении общих причинно-следственных механизмов, обуславливающих действия человека. Именно поэтическое универсальное приносит удовольствие – строго по «Метафизике» Аристотеля, т.е. удовольствие от познания, как устроен мир. И отсюда же следует этическая полезность поэзии – не моральный урок («нехорошо убивать матерей» или «нехорошо убивать мужей, иначе сын тебе отомстит»), а обращение души (в том числе через очищение от страстей) к размышлению на этические темы. И здесь Риккобони оказывается близок к современному комментатору Аристотеля [Else, 1957, p. 301–308] в общем понимании универсального в «Поэтике» и его связи с этикой.

Сходные размышления мы можем обнаружить у Сперони по отношению не к поэзии, а к истории. М. Сгарби обратил внимание на то, что в некоторых вариантах «Диалога об истории»¹ подчеркивается: история, пусть и рассказывает о многих деяниях многих

---

¹ «Диалог об истории» Сперони существует в нескольких рукописных и печатных версиях, его канонического текста не существует.

людей, должна быть необходимым образом сведена к некоторому единству, в котором и обнаруживается связь исторического изложения с правдой [Sgarbi, 2014, p. 53]. Очевидно, что это единство проистекает из особого взгляда историка, отличного от взгляда анналиста, лишь фиксирующего на бумаге события. Однако, по мнению Сперони, историк не должен выносить суждения, не должен хвалить и порицать своих героев, вместе с тем он не должен останавливаться на акциденциальном, случайном и дурном. Получается, что единство исторического дискурса, с одной стороны, не связано с риторической позицией автора (осуждение / хвала), а с другой – автор, хоть и не может отступать от правды и добавлять к ней нечто от себя, занимает активную позицию, должен найти в истории единство (в противном случае историческое изложение останется анналами и не станет собственно историей). Относительно источников подобного единства Сперони рассуждает не очень отчетливо, хотя в целом понятно, что речь идет о некоем организационном принципе. В частности, он говорит о применимости к историческому повествованию любого из трех «аристотелевских» единств (действия, времени, места), понимая их, однако, не так, как теоретики трагедии. Например, по словам Сперони, Полибий основывает свою историю на единстве места (*Polibio unisce la sua istoria con lo spazio*) [цит. по: Sgarbi, 2014, p. 54], и вероятно, речь идет не о том, что у Полибия события локализованы в каком-то конкретном регионе, а скорее, о том, что Полибий показывает ход истории как направленный к возникновению единого культурно-политического пространства Римской империи. Ключевым для понимания этой логики моментом становится формулировка, выбранная Сперони для разъяснения, чем история отлична от анналов: последние также содержат правду, но правду лишь записанную, а не «помысленную», в анналах факты – продукт действия «человеческой руки», а не интеллекта [Speroni, 1740, p. 234]. Единство исторического сюжета – продукт его осмысления историком, поэтому, по мнению Сперони, истинным историком может быть либо религиозный мыслитель, либо философ (*religioso o filosofo*), прозревающий причины вещей [Speroni, 1740, p. 316]. Парадоксальным образом система аргументации, у других авторов направленная на то, чтобы возвысить поэзию над историей, сблизить ее с философией, у Сперони работает в противоположном на-

правлении: история оказывается философичнее если не поэзии, то, по крайней мере, риторики.

Заключение

XVI век стал эпохой, когда создавались новые теории поэтического искусства, и одновременно с ними возникали и «*artes historiae*». Нередко они создавались на основе сопоставления истории и поэзии и с использованием концептуального аппарата *artes poeticae*. Вместе с тем сравнение двух дисциплин, особенно в контексте тезиса *1451b5–7* «Поэтики», вело к прояснению ключевой особенности поэзии – ее способности говорить о серьезных и важных вещах, выходящих за рамки конкретных жизненных явлений, и возвышению поэзии в кругу прочих дисциплин, включая историю. Однако именно размышления о том, почему поэзия философичнее истории, привели к тому, что у одного из наиболее глубоких теоретиков «исторического искусства» Спероне Сперони возникла теория о философском основании исторического дискурса, возвращающая эту дисциплину в круг наук, занимающихся причинно-следственными механизмами мироустройства, а не эмпирическим накоплением фактов.

Список литературы

- Бобкова М.С.* «*Historia Pragmata*». Формирование исторического сознания новоевропейского общества. – Москва : ИВИ РАН, 2010. – 329 с.
- Гринцер П.А.* Становление литературной теории в Древней Греции и Индии // Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда. – 1997. – № 1. – С. 113–120.
- Махов А.Е.* Европейская поэтика : темы и вариации // Европейская поэтика : от Античности до эпохи Просвещения : энциклопедический путеводитель. – Москва : Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. – С. 7–72.
- Чаньшиев А.Н.* Аристотель. – 2-е изд., доп. – Москва : Мысль, 1987. – 220 с.
- Atanagi D.* Ragionamento di M. Dionigi Atanagi de la eccellentia, et perfetton de la historia. – Venetia : appresso Domenico, & Cornelio de' Nicolini, 1559. – 15 fols. – URL: https://digital.onb.ac.at/OnbViewer/viewer.faces?doc=ABO_%2BZ155548005
- Campanella T.* Rationalis philosophiae pars quinta, videlicet : historiographiae liber unus, iuxta propria principia // Campanella T. Tutte le opere di Tommaso Campanella / ed. Firpo L. – Milan : Mondadori, 1954. – P. 1222–1255.
- Carriero A.* Breve et ingenioso discorso contra l'opera di Dante // Trattati di poetica e retorica del Cinquecento / ed. by B. Weinberg. – Bari : Laterza, 1972. – Vol. 3. – P. 277–306.

- Castelvetro L.* Poetica d'Aristotele vulgarizzata e sposta : in 2 vol. / a cura di Romani W. – Roma ; Bari : Laterza, 1978–1979.
- Cochrane E.W.* Historians and historiography in the Italian Renaissance. – Chicago : Univ. of Chicago press, 1981. – 649 p.
- Correa T.T.* Corraeae in librum de Arte Poetica... explanationes. – Venetiis : apud Franciscum de Franciscis Senensem, 1587. – 156 p. – URL: <https://books.google.ru/books?id=sUBoAAAAcAAJ>
- Cotroneo G.* I trattatisti dell'“ars historica”. – Napoli : Giannini, 1971. – XV, 481 p.
- Denores J.* In Epistolam Q. Horatii Flacci de Arte Poetica Iasonis de Nores Ciprii ex quotidianis Tryphonis Gabriellii sermonibus interpretatio // Opera Q. Horatii Flacci Venusini... / ed. de Fabricius G. – Basileae : per Henrichum Petri, 1555. – Vol. 2. – P. 1191–1300. – URL: http://ihrim.huma-num.fr/nmh/Horatius/HTML/denores_ars.html
- Else G.F.* Aristotle. Aristotle's *Poetics* : the argument. – Cambridge (Mass.) : Harvard univ. press, 1957. – 670 p.
- Grafton A.* What was history? The art of history in early modern Europe. – Cambridge ; New York : Cambridge univ. press, 2012. – 319 p.
- Halliwell S.* The aesthetics of mimesis : ancient texts and modern problems. – Princeton : Princeton univ. press, 2002. – 424 p.
- Hathaway B.* The age of criticism : the late Renaissance in Italy. – Ithaca : Cornell univ. press, 1962. – 473 p.
- Herrick M.T.* The fusion of Horatian and Aristotelian literary criticism, 1531–1555. – Urbana : Univ. of Illinois press, 1946. – VII, 117 p.
- Kelly D.R.* Between history and system // *Historia* : empiricism and erudition in early modern Europe transformations / ed. by Pomata G., Siraisi N.G. – Cambridge (Mass.) : MIT Press, 2005. – P. 211–237.
- Martini G.* Cattolicesimo e storicismo. – Napoli : ESI, 1951. – XXIX, 357 p.
- Pigna G.B.* I Romanzi / ed. crit. di Ritrovato S. – Bologna : Commissione per i Testi di Lingua, 1997. – xxiv, 258 p.
- Riccoboni A.* Poeticam Aristotelis per paraphrasim explicans, & nonnullas Lodouici Casteluuetrij captiones refellens. Eivsdem Ex Aristotele Ars Comica. – Vicetiae : apud Perinum Bibliopolam, & Georgium Grecum Socios, 1585. – P. [8] + 174.
- Robortello F.* De historica facultate disputatio. – Florentiae : apud Laurentium Torrentinum, 1548. – 362 p. – URL: <https://books.google.ru/books?id=aPQ7AAAAcAAJ>
- Salviati L.* Il Lasca dialogo : cruscata, ouer paradosso d'Ormannozzo Rigogoli. – Firenze : per Domenico Manzani, 1584. – 50 p. – URL: <https://books.google.it/books?id=egwg7XbkRcYc>
- Segni A.* Ragionamento sopra le cose pertinenti alla poetica. – Fiorenza : Giorgio Marescotti, 1581. – 86 p. – URL: <https://books.google.ru/books?id=fbxdAAAAcAAJ>
- Sgarbi M.* Che cosa è la storia? Il “modello teorico” di Sperone Speroni // *Modernità e progresso* : due idee guida nella storia del pensiero : la filosofia e il suo passato / dir. di Piaia G., Manova I. – Padova : CLEUP, 2014. – P. 43–72.
- Speroni S.* Dialogo della Istoria // Speroni S. Opere di Sperone Speroni degli Alvarotti tratte da' mss. originali. – Venezia : Occhi, 1740. – Vol. 2. – P. 210–328. – URL: https://books.google.ru/books?id=5j_t-0uvx2gC

- Tasso T. *Prose* / a cura di Mazzali E. – Milano : R. Ricciardi, 1959. – xlvii, 1163 p.
- Tasso T. Risposta al discorso del Sig. Orazio Lombardelli intorno a i contrasti, che si fanno sopra la Guersusalemme liberata. – Ferrara : Vasalini, 1586. – 31 p. – URL: http://digital.onb.ac.at/OnbViewer/viewer.faces?doc=ABO_%2BZ175685409
- Toraldo V. La Veronica, o Del sonetto dialogo di don Vincenzo Toralto d'Aragona. Interlocutori. – Partenopeo : Genouino : appresso Girolamo Bartoli, 1589. – 104 p. – URL: <https://books.google.ru/books?id=dPRDZarDahIC>
- Vidal S.P. La historiografía italiana en el Tardo-Renacimiento. – Madrid : Miño y Dávila, 2016. – 364 p.
- Weinberg B. A history of literary criticism in the Italian Renaissance : in 2 vol. – Chicago ; London : The univ. of Chicago press : The univ. of Toronto press, 1961.

References

- Bobkova, M.S. (2010). «*Historia Pragmata*». *Formirovanie istoricheskogo soznaniya novevropejskogo obshhestva*. Moscow: IVI RAN.
- Grincer, P.A. (1997). Stanovlenie literaturnoj teorii v Drevnej Grecii i Indii. *Vestnik Rossijskogo Gumanitarnogo Nauchnogo Fonda*, (1), 113–120.
- Mahov, A.E. (2010). Evropejskaja pojetika: temy i variacii. In *Evropejskaja pojetika: ot Antichnosti do jepohi Prosveshhenija* (pp. 7–72). Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoj – Intrada.
- Chanyshev, A.N. (1987). *Aristotel'*. (2 ed.). Moscow: Mysl'.
- Atanagi, D. (1559). *Ragionamento di M. Dionigi Atanagi de la eccellentia, et perfettion de la historia*. Venetia: appresso Domenico, & Cornelio de' Nicolini. Retrieved from https://digital.onb.ac.at/OnbViewer/viewer.faces?doc=ABO_%2BZ155548005
- Campanella, T. (1954). Rationalis philosophiae pars quinta, videlicet: Historiographiae liber unus, iuxta propria principia. In *Tutte le opere di Tommaso Campanella* (L. Firpo, Ed.; pp. 1222–1255). Milan: Mondadori.
- Carriero, A. (1972). Breve et ingenioso discorso contra l'opera di Dante. In B. Weinberg (Ed.), *Trattati di poetica e retorica del Cinquecento* (Vol. 3, pp. 277–306). Bari: Laterza.
- Castelvetro, L. (1978–1979). *Poetica d'Aristotele vulgarizzata e sposta* (W. Romani, Ed.; Vols. 1–2). Roma; Bari: Laterza.
- Cochrane, E.W. (1981). *Historians and historiography in the Italian Renaissance*. Chicago: Univ. of Chicago.
- Correa, T.T. (1587). *Corraeae in librum de Arte Poetica... explanationes*. Venetiis: apud Franciscum de Franciscis Senensem. Retrieved from <https://books.google.ru/books?id=sUBoAAAaAAJ>
- Cotroneo, G. (1971). *I trattatisti dell' "ars historica"*. Napoli: Giannini.
- Denores, J. (1555). In Epistolam Q. Horatii Flacci de Arte Poetica Iasonis de Nores Ciprii ex quotidianis Tryphonis Gabriellii sermonibus interpretatio. In *Opera Q. Horatii Flacci Venusini...* (G. Fabricius, Ed.; Vol. 2, pp. 1191–1300). Basileae: per Henrichum Petri. Retrieved from http://ihrim.humanum.fr/nmh/Horatius/HTML/denores_ars.html

- Else, G.F., & Aristotle. (1957). *Aristotle's Poetics: The argument*. Cambridge (Mass.): Harvard univ.
- Grafton, A. (2012). *What was history? The art of history in early modern Europe*. Cambridge ; New York: Cambridge univ.
- Halliwell, S. (2002). *The aesthetics of mimesis: Ancient texts and modern problems*. Princeton : Princeton univ. press.
- Hathaway, B. (1962). *The age of criticism: The late Renaissance in Italy*. Ithaca : Cornell univ.
- Herrick, M.T. (1946). *The fusion of Horatian and Aristotelian literary criticism, 1531–1555*. Urbana: Univ. of Illinois.
- Kelly, D.R. (2005). Between history and system. In G. Pomata & N.G. Siraisi (Eds.), *Historia: Empiricism and erudition in early modern Europe transformations* (pp. 211–237). Cambridge (Mass.): MIT.
- Martini, G. (1951). *Cattolicesimo e storicismo*. Napoli: ESI.
- Pigna, G.B. (1997). *I Romanzi* (S. Ritrovato, Ed.). Bologna: Commissione per i Testi di Lingua.
- Riccoboni, A. (1585). *Poeticam Aristotelis per paraphrasim explicans, & nonnullas Lodouici Casteluertij captiones refellens. Eivsdem Ex Aristotele Ars Comica*. – Vicetiae: Apud Perinum Bibliopolam, & Georgium Grecum Socios.
- Robortello, F. (1548). *De historica facultate disputatio*. Florentiae: apud Laurentium Torrentinum. Retrieved from <https://books.google.ru/books?id=aPQ7AAAACAAJ>
- Salviati, L. (1584). *Il Lasca dialogo: cruscata, ouuer paradosso d'Ormannozzo Rigogoli*. – Firenze: per Domenico Manzani. Retrieved from <https://books.google.it/books?id=egwg7XbkRCCY>
- Segni, A. (1581). *Ragionamento sopra le cose pertinenti alla poetica*. Fiorenza: Giorgio Marescotti. Retrieved from <https://books.google.ru/books?id=fbxdAAAACAAJ>
- Sgarbi, M. (2014). Che cosa è la storia? Il “modello teorico” di Sperone Speroni. In G. Piaia & I. Manova (Eds.), *Modernità e progresso: Due idee guida nella storia del pensiero: La filosofia e il suo passato* (pp. 43–72). Padova: CLEUP.
- Speroni, S. (1740). Dialogo della Istoria. In *Opere di Sperone Speroni degli Alvarotti tratte da' mss. originali* (Vol. 2, pp. 210–328). Venezia: Occhi. Retrieved from https://books.google.ru/books?id=5j_t-0uvx2gC
- Tasso, T. (1586). *Prose* (E. Mazzali, Ed.). Milano: R. Ricciardi.
- Tasso, T. (1586). *Risposta al discorso del Sig. Orazio Lombardelli intorno a i contrasti, che si fanno sopra la Guerusalemme liberata*. Ferrara: Vasalini. Retrieved from http://digital.onb.ac.at/OnbViewer/viewer.faces?doc=ABO_%2BZ175685409
- Toraldo, V. (1589). *La Veronica, o Del sonetto dialogo di don Vincenzo Toralto d'Aragona*. Partenopeo, Genouino: appresso Girolamo Bartoli. Retrieved from <https://books.google.ru/books?id=dPRDZarDahIC>
- Vidal, S.P. (2016). *La historiografía italiana en el Tardo-Renacimiento*. Madrid: Miño y Dávila.
- Weinberg, B. (1961). *A history of literary criticism in the Italian Renaissance* (Vols. 1–2). Chicago; London: The univ. of Chicago: The univ. of Toronto.